

Александр Корниенко

Последователи.
Племя фантоши

16+

Александр Сергеевич Корниенко

Последователи.

Племя фантоши

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43084411
SelfPub; 2020*

Аннотация

Егор – учитель истории с необычным хобби. Он коллекционирует многочисленные парадигмы существования альтернативных миров. У него есть теория, что Земля – это тюрьма, в которую люди попали за свои преступления. Чем тяжелее вина, тем больше продолжительность жизни. Если же умирает рано, значит, его грехи отпущены, ему дарована свобода. За такое нестандартное мышление его прозвали последователь Ницше. Все началось со спасения девушки, когда главный герой, не дав ей прервать юную жизнь, оказался в череде событий, изменившие его привычное миропонимание, позволив раскрыть саму сущность мироздания.

«Никогда не рождался – Никогда не умирал
Лишь посетил эту Землю между ... и ... годами»
Ошо

Пролог

«Перейти на тот свет», – вырвалось у меня в голове, стоя перед светофором. Будто не мой голос произнес эту одновременно смешную и пугающую фразу.

Да, всего свет светофора, а какой отвратительный каламбур.

Он пристально смотрел своим красным глазом, будто подмигивал мне, нечто живое и осознанное звало к себе.

– Иди, иди, – приговором настаивал он. Со всей упёртостью плохого мальчишки, зовущего совершить необдуман- ный поступок.

Трепетная, неосознанная мысль поселилась в моей голове, разрослась, поглощая все участки мозга и захватив под контроль тело. Я слился с моргающими цветами, заморожённый переливом манящего «регулирущика».

Порой перед нами свободные дороги, и мы легко шагаем вперед. Идем без помех, преодолевая нехитрое расстояние, и оказываемся в нужном месте. И в тот момент мы даже не думаем о том, что дорога могла быть или стать другой.

Как часто случаются перемены, сбои в уже установленных

процессах. Ты будто стоишь на распутице, вечно сомневаясь, не уверенный в своем выборе. У тебя есть возможность посмотреть по сторонам и убедиться, что нет встречного транспорта, сделать шаг вперед и идти, но одновременно тебя это пугает и останавливает. И ты можешь долго стоять, так и не пройдя этот путь. Постоянно остерегаясь и боясь, оборачиваясь, смотря вслед уже прошедшим, пробежавшим и исхитрившимся, в отличие от тебя, а ты все стоишь, а ты все ждешь, а ты все медлишь и боишься. Так и в жизни, кто-то постоянно умудряется проскочить, пройти быстрее тебя, а может и совсем наоборот, не оборачиваясь, на красный или переменчивый желтый. А ты идешь слепо на зеленый и тебя сбивает ниоткуда взявшийся водитель. Решившись тоже успеть проскочить, то ли бесцельно, то ли четко осознавая. И эти стечения обстоятельств, точнее высшая сбалансированность, спланированность до точности отточенных действий, начиная от первой мысли о свете светофора, заканчивая, светом мчащегося на тебя автомобиля.

Размышления притянули меня в центр перекрестка, оставив один на один с приближающимся автомобилем. С тем самым, который не должен быть так непозволительно близко.

В такие моменты ты должен быть собран, расчетлив и точен, за мгновение находя единственно верное решение, но нет, я остолбенел, я растерян. Я вижу и осознаю все вокруг: не расчищенная после вчерашнего продолжительного снего-

пада дорога, скользящая по ледяной корке резина и несколько стоящих людей, уже понимающих неизбежное. Все превратилось в замедленный кадр. Машина от меня в нескольких метрах. Она пыталась затормозить, но тщетно. Все звуки и ощущения абсолютно пропали. Я не чувствую сырого пронизывающего ветра, что обдувал мое и так воспаленное горло, не слышу крики людей по обе стороны от дороги, их попытки помочь и хоть как-то повлиять на мое бездействие.

В этот момент хотелось вырваться из привычной оболочки своего тела, вознестись над происходящим. Но снова этот свет светофора, уже ослепляющий свет фар и мгновение, пусть затяжное, но, по всей вероятности, необратимое.

Как ни странно, но мой мозг не дал сигнала отпрыгнуть, лечь или сгруппироваться, как учат действовать при возникших чрезвычайных ситуациях. Он непоколебимо держал меня в подконтрольном состоянии. Мне не хотелось зажмуриться и поддаться испугу, наоборот, я вскинул взгляд и протянул руку вперед, будто бы мог остановить подобным жестом машину.

И тут все предрешенные линии судьбы перехлестнулись, все завертелось в оглушительном водовороте. Машина, что должна была оказаться для меня смертоносной, наезжая на канализационный люк, резко проваливается в него, передней частью пропахивая снег, со скрежетом разворачивается и заваливается на бок передо мной.

Даже толком не удивившись случившемуся, я кинулся к

водительской двери, открывая ее и помогая выйти девушке, что пребывала в шоке от самой аварии и сработавшей подушки безопасности. Я как никогда был сосредоточен, понимал всю суть происходящего, осознавая, что события начинают идти по худшему сценарию, совсем недавно составившемуся в моей голове.

Девушка не пострадала, в момент прибежавшие люди подхватили ее из моих рук. Они пытались помочь и мне, но я, уже практически вырываясь, ускоряясь, кинулся вперед, к одной единственной цели.

Преодолевая улицы и перекрестки, уже не уходя в глубокомысленные размышления, я бежал, не обращая внимания на начавший падать мелкий сырой снег, который налипал на лицо. Мои руки замерзли, кожу стянуло. Согревая их сбившимся дыханием, я наконец-то остановился и увидел, что не зря разменял это расстояние быстрым бегом. Впервые за этот сумасшедший день волнение во мне приобрело масштаб катастрофы, сердце заколотилось, а я неторопливо двинулся к стоящей на мосту девушке.

Самый высокий мост города славился греховными случаями ухода из жизни. Я знал, что она тоже здесь для этого, и самое страшное, что она уже все решила, непоколебимо и смертоносно.

В такую погоду проходящих по мосту людей не оказалось, рабочее время рассадило и попрятало всех по кабинетам и учреждениям, а спешные передвижения редких автомоби-

лей заставляли пристально следить за дорогой, оставив ее в полном одиночестве со своими помыслами.

Она стояла, чуть касаясь перил, ладони лежали на краю холодного парапета, лишь капюшон прикрывал ее темные развевающиеся волосы. Куртка была расстёгнута, тоненькое платьице колыхалось от сильного порыва ветра, заставляя меня почувствовать холод. На удивление она смотрела не вниз, ее взгляд был направлен вперед, на открывающиеся дали людской живой суеты.

Где-то внизу, на первом тонком льду, сидели отчаянные рыбаки, вдали виднелись небольшие острова и линия красивой набережной. Ее капюшон, кончики волос и плечи были покрыты снегом. Она стояла здесь давно, видимо, еще немного сомнений в ней сохранилось, и меня это подбодрило, я подошел к ней. Медлить было нельзя, диалог и рассуждения уже были малоэффективны.

Проезжающие мимо автомобили не видели ничего дурного в стоящей на мосту паре, и только я сконцентрировался на возможном моменте ее срыва, прыжка, как ей кажется, в собственное спасение, под мрачными тучами, создавшими оттенки полусмерти.

Потоки ветра с ледяным снегом как осколками стекла резали щеки и глаза. Она меня видела, она знала, кто я, и знала точно, что ей делать.

За долю секунды она скинула с себя куртку и бросилась вниз. Нас разделяли всего один шаг и ледяные поручни,

которые лишь усугубили мою попытку спасения. Я схватил ее за тонкое платье, задирая и разрывая его, оголяя плечи, но при этом, успевая схватить за руку. Наши взгляды впервые пересеклись. Она была устойчиво сильна, она смотрела на меня очень ясным взглядом, ее юные милые черты стали отчетливо зрелыми. Это не я ее держал, это она крепко сжимала мою ладонь. Второй рукой рывком она потянула меня за собой. Я заскользил по обледеневшей мостовой и не мог сопротивляться – податливо тянуло за ней, и я начал переваливаться через ограждение. Невозможно передать словами страх от осознания неминуемой смерти, от полного забвения и необратимости.

Перевес тел... и вот мои ноги оторвались от земли, всего лишь скрежет замка пуховика по железному поручню... И мы срываемся вниз. Я слышу каждый стук своего сердца, тысячи воспоминаний ворвались в мое сознание. Перемешиваясь и делая подборку из самых значимых, они вдруг завертелись слайдами перед глазами.

Мы неразрывно были близки в этот момент, полумрак окутывал нас вперемешку с уже не таким холодным снегом. Слайды прекратили меняться, а сердце отбило последний услышанный мной стук.

Мокрый снег превратился в хлопья медленно падающих

снежинок, все вокруг преобразилось. Непередаваемое ощущение, откуда-то из детства, наступления чего-то нового и, самое главное, волшебного. Те, кто сохранил эти утраченные чувства, вышли из переполненных автобусов, решили пройти недолгий путь до дома пешком. Родители отпустили своих чад поиграть во дворы, разрешая им немного пошалить, глядя, как дети задорно реагируют на первые снежинки. Город стал уютнее, светлее, даже чуточку добрее от наполнения счастливой энергией.

Набережная была пуста, деревьям уже не нужна листва, одели их легкие снега. Искрящийся от подсвеченного моста снег под ногами как-то нелепо смотрелся под тяжелыми сапогами спасательной команды. Осторожно переместившись ближе к берегу, бригада еще раз обратила внимание на большую полынь под мостом: лед еще не успел полностью затянуть широкое устье реки. Диалоги были короткими, тихими и сочувственными. Тени от моста укрывали припорошенный берег, делая не видимыми глазу следы песка и грязи. В одинокой лодке накрытые покрывалом лежали два тела.

Глава I

Тихий стук по клавиатуре – это единственное, что наполняло обычную двухкомнатную квартиру с видом на обледеневшие деревья парка. А еще тихое мурлыканье спящей на подоконнике пушистой кошки.

Было совсем раннее утро. Полу написанные предложения на бумаге отражали возраст автора и его забытое ныне пристрастие писать на бумаге, превращая мысли в строки. Перенос их уже позже под современный манер в печатную программу Word.

Однозначно это было не мастерством складывать слова в рифму, а скорее умением приручать чувства. Овладевать искусством управления эмоциями, превращая их в картины душ и отзвуки мыслей в неподдельную симфонию созвучий.

Я часто иду, иду просто вперед.
И не зная куда, и что меня ждет.
Я не знаю, как жить, где нет горизонтов.
Я туда по дороге иду из обломков.
Я не знаю людей, рядом идущих,
То догоняющих, а то отстающих.
Но я знаю, что их не простит
Единственно верный, для них суицид.
Я не знаю, зачем мне лестница к небу?!
И зачем я послан на эту планету.
Я не врал себе и не вру поныне.
Исцеление не ищу в могиле.
Я движим Светом и верен Силе!

Автор встал из-за стола с легкостью от отданных переживаний. Накопившаяся энергия слов перешла в скреплён-

ные рифмой строки и осталась в оболочке стихотворения.

Выйдя их кухни и пройдя по квартире, не включая свет, он подошел к окну. Кошка издала сонные звуки и, нехотя поворачиваясь, встала. Прогнулась, сопровождая это действие уже более приятным мурлыканьем. Она знала, что сейчас распахнутся окна и комнату наполнит свежий утренний воздух.

Все так и случилось, ветер ворвался и побежал по всем стенам и потолкам, особенно он чувствовался на полу, при этом остужая босые ноги. Вдыхая прохладу, автор вспомнил свое стихотворение, написанное еще несколько зим назад.

Стою, и хочется зимы.
И легкие прогреть морозом!
По небесам побегать босым
И ярче сделать блеск луны,
Чтоб ночь поведала нам прозой
О том, что скрыто от весны.

С бывалой легкостью прочитав незатейливые строки молодой мужчина, улыбаясь, прошел по комнате, думая уже о том, как он жил всего пару месяцев назад. И как же сильно его привычный мир начали менять происходящие события. Ему легко давались книги разных авторов и переменчивые сюжеты, хитрые детективы и миры фантастики, современные писатели и нестареющая классика. В этот момент он

ясно понимал, что его книга жизни наполнилась лишь прологом. И начальные строки первой главы только начали отпечатываться на страницах его истории.

Ледяной берег был чистым и обновленным сильным утренним морозом, избавляя его от вирусных ощущений прошедшего дня. Это первое, что увидел объектив телекамеры, поворачиваясь на молодую девушку – журналистку, стоящую на фоне опор моста, немного припорошенных за ночь снегом вчерашних событий.

Она рассказывала историю о девушке и парне, показывая рукой то на вершину моста, то на ледяной покров реки, пронося заученный текст, написанный за пару часов до эфира. По всей видимости, она с переживанием отнеслась к сказанному, допуская в голосе нотки своего личного отношения. Она делала свою работу умело, доносила всем жителям информацию о не столь частом случае в городе. Даже по голосу было слышно, что она это делала впервые. Ибо чаще ей приходилось рассказывать о возмущенных бабушках в подъездах, о плохих дорогах и поборах среди бюджетников.

Через пару часов информация разнесется по телеэкранам, новостным лентам и социальным сетям. Но это уже несколько не интересовало тех двоих, чей мир уже не будет прежним.

Утро было чем-то родным, по-матерински, по-домашнему уютным временем суток. Его всегда осмеивали, и совершенно никто не мог понять, не было ни одного, знакомого, кто с такой же любовью мог бы оценить его порывы к раннему пробуждению.

Он искренне верил в предназначение восхода солнца и что лишь на рассвете все имеет ту неподдельную гармонию человека и природы, высших сил и возрождения. Приучив себя вставать даже раньше рассвета, он был постоянным свидетелем и участником процесса зарождения жизни.

Дорога до работы занимала не более получаса, и он ее исключительно проходил шагом. Под это действие отводя особый смысл. Движение, причем совершенно не делая скидок на погоду, должно осуществляться только собственными силами, понимая, что твоя дорога зависит только от тебя самого. Именно в твоих силах контролировать скорость и направление, сменить маршрут, меняя улицы, сокращая или даже увеличивая расстояние.

Он знал, что в любой ситуации он будет хозяином положения, сможет среагировать на любые изменения и просчеты, остаться неизменно на той дороге, что выбрана им самим.

Мыслей было множество, от насыщенности рабочего дня и до непосредственно всего нового, что так нахально напросилось в его жизнь.

По традиции приходя на работу раньше требуемого вре-

мени, молодой мужчина пожелал доброго утра уже сидевшему охраннику, в очередной раз пребывая в гордости за свою чрезмерную пунктуальность, что за девять лет работы его в обратном никто не мог упрекнуть.

– Егор Александрович! – окрикнул пожилой охранник.

Несмотря на свой возраст мужчина был статен, соблюдая чинную выправку и офицерскую строгость он повсеместно оставался при ней и нес непоколебимое звание морского офицера, служившего когда-то на острове Сахалин.

– Да, Валерий Иванович, – со всем уважением ответил ему мужчина, не успев зайти в дверь кабинета.

– Егор, скажи, а правда ли у тебя есть оригинальное соби-
рательство? Хобби, так сказать.

На подобный вопрос молодой человек повел уголком рта (читалось в его выражении, что этот вопрос явно его раздражительно достал), при всей его рабочей этике считалось неуместным подобное увлечение. Непонимание коллег было, видимо, озвучено при охраннике, выдавая или принижая Егора Александровича за профессиональную некомпетентность.

– Откровенно говоря, я имею свой взгляд на вещи, ми-
нуя или вовсе игнорируя стереотипное мышление, в том чис-
ле и навязанное посредством переписанной и дополненной
очевидным враньем по поводу исторических событий. Это
максимально усложняет мою профессиональную жизнь, но
зато дает более открытые формы проведения и объяснения

тем на уроке. Это если без подробностей, – ответил молодой учитель. – И да, слухи о моих, мягко говоря, странных увлечениях правдивы. Поверьте, это не смеха ради и уж точно не из-за выделения своей уникальности, но с недавних пор я коллекционирую параллельные миры и мульти вселенные. Нескромно могу заверить, если это вас хоть как-то заинтересует, достаточно емкое и уникальное собрание трактовок происхождения нашей вселенной и человечества в целом, а также многочисленные парадигмы существования подобных или наоборот альтернативных нашим мирам параллельные вселенные.

Вот именно от таких ответов и получает упреки преподаватель истории Богояров Егор Александрович.

– Любопытно! – поразился охранник.

В том время как учитель подозрительно прищурил глаза, уж больно поведению охранника было ему не свойственно.

– Егор, ты помнишь самую первую впечатлившую тебя теорию, с которой все и началось? – явно увлеченно продолжал расспрашивать охранник. Хотя эта формулировка вопросов выбивалась из их ранее привычного бытового стиля общения.

– Офицеры, особенно с таким стажем, сухи и скупы в подобных фантазиях, – сделал про себя заключение учитель, при этом выполнив шаг вперед и понизив голос. – Версия была абсурдной, идиотской и даже страшной. Но именно она и послужила толчком в изучении и сборе всех самых неле-

пых интерпретаций.

Охранник склонился над учителем в естественном желании услышать феноменальный рассказ.

– Существует версия о том, что наш мир – это тюрьма! И все мы попали сюда за преступления, и чем оно тяжелее, тем больше нам сидеть, отбывать свой срок, и значит продолжительность жизни максимально длинная. И наоборот, если раньше мы умираем, то этим самым мы покидаем тюрьму, нас выпускают на волю, ибо грех был меньше и пребывание в тюрьме короче... Продолжать не буду, делайте выводы сами...

– Признаюсь вам, история эта отвратна, она оскверняет наше существование в рамках привычной жизни, хоть и не лишена логического суждения, – будто оправдываясь, закончил учитель.

– Это увлекательное изучение, вы меня впечатлили, поразили. Соглашусь, это достаточно странно, и вам, как человеку, отвечающему точностью констатацией фактов неприменимо запудривать себе и другим голову столь бредовыми, да и неразумными рассуждениями! – немного осуждающе заключил охранник, но тут же продолжил, – Как вы охарактеризуете мировую историю в целом? Разве учебники сейчас не актуальны? О чём вы рассказывает детям?

Егор Александрович имел взрывной, но отходчивый характер, и укор со стороны охранника он воспринял стойко, хотя самым ревностным и сразу же раздражающим обвине-

нием, который мог в секунды вывести его из себя, были разговоры о работе, которую он так сильно любил.

– Валерий Иванович, вы видите вон ту девочку, что сейчас делает так называемое селфи в зеркало?

– Терпеть это не могу! Да, и что?! – смутившийся смелой разговора и переводом внимания озадаченно воскликнул охранник, наблюдая за процессом съёмки.

– Сейчас она сделает множество фотографий, затем выберет самые красивые, по ее мнению, наиболее удачные и выложит в социальную сеть инстаграм в свой профиль в раздел история, где ее увидят множество, вплоть до нескольких тысяч людей, знакомых ей или нет. В итоге это получается ни что иное, как ее собственная история!

Или к примеру, вчера состоялось большое городское мероприятие, приезжал известный писатель, презентовал книгу, рассказывал, общался с читателями, фанатами, коллегами, уделяя внимание всем присутствующим в зале. Так вот я там был в качестве гостя, обычного зрителя, и в это же время эта самая ученица была приглашена вместе со всем классом в виде школьной массовки. По завершении, как оказалось, мы вместе разместили фотографию в социальных сетях с текстом о мероприятии. Но в чем существенная разница, хоть фото оказались практически идентичны, за исключением, быть может, иного ракурса съемки и качества фото, но содержание поста несло иное смысловое значение, мы основывались на разных, как формулируют учителя, целе-

полаганиях! Еще раз акцентирую, одно мероприятие! Одно фото! Одни и те же люди на нем! Но тексты с описанием данного события кардинально разные! Я услышал и увидел то, что нужно мне, а она подытожила увиденное под совершенно иным, своим углом зрения. И какое мнение принять, какую сторону правды выбрать, скажите мне? И тут можно предположить, что кто-то из нас был неоткровенен или даже лжив в угоду личного мнения и отношения. Не так ли?! Так история – это лишь инстаграм других временных эпох.

– Да каких там эпох, Валерий Иванович!?!– выразительно рассмеялся сам над собой Егор Александрович. – Доступностью фото мы владеем чуть больше 100 лет! До него лишь ограниченные художники имели возможность запечатлеть событие, да зачастую под заказ сделанные картины тех лет. Из уст в уста передавались знания и сюжеты, так о какой вы точности ведете речь и пытаетесь обвинить меня в невежестве?! Задумайтесь!..

Учитель склонил голову, показывая, что разговор окончен, и наконец– то прошел на свое рабочее место, оставшись при своем мнении и сохраняя мужскую и учительскую гордость.

Вот за такое нестандартное, чудаковатое мышление его прозвали последователь Ницше.

– «Кто хочет оправдать существование, тому надобно еще и уметь быть адвокатом Бога перед дьяволом.» – с ухмылкой вспомнил выражения ученого, что вышел за пределы научно

– философского сообщества.

Времени распланировать объемы работ и первоначальные цели ему уже не оставалось, и он погрузился в скорое прочтение материала.

В дверь громко постучали.

– Здравствуйте, Егор Александрович.

– Доброе утро, Арсений.

– Вас просят подняться к директору, – твердо произнес мальчик, который, по всей вероятности, был дежурным по школе и своей наделенной должностью он гордился.

– Хорошо, спасибо, – прозвучало выдержанно от ожидаемого подобного приглашения.

Арсений вошел в кабинет, на ходу расстёгивая молнию своего рюкзака, достал оттуда книгу и с воодушевлением протянул ее.

– Спасибо Вам, – тараторил мальчишка, произнося слова восхищения, хоть и заикаясь от волнения.

Самое главное, что были видны переполняющие его чувства, ощущения открытий, новых горизонтов, иных размышлений.

– Егор Александрович, мама тоже благодарит вас, она говорит, что вы будто подобрали особый ключик ко мне, открыли во мне что-то, как вам это удалось?

– Протяни мне книгу, Арсений, – мальчик вложил книгу в руку учителя.

– Все начинается с первого соприкосновения с книгой, ва-

шего совместного знакомства. Ты будто бы протягиваешь руку незнакомцу для того, чтобы заключить доверительный союз. То же самое, мой юный друг, и с книгой. Ты сжимаешь ее в своей руке, делая для начала просто знакомой, ибо ты видишь лишь название, в этот момент вы представились друг другу, озвучили свои имена. Сразу же множество вопросов, возникает раздирающее любопытство, а что за человек, чем он интересуется, увлекается, есть ли у нас общие интересы? И чем чаще вы встречаетесь, видите, тем чаще вы пожимаете друг другу руки, тем более дружественными становитесь. А затем она открывается перед тобой, разрешает узнать себя, прочесть, осознать ее благосклонность к тебе. С тех самых пор с каждым перевернутым листом вы, как верные друзья, следуете вместе, открывая год за годом новые страницы вашей жизни.

Завороженно приоткрыв рот, мальчишка внимательно слушал речь учителя.

– Пожми мне руку, Арсений, и беги на уроки, доброго дня! – учитель с улыбкой протянул руку ученику 5 класса.

С важным видом, еще больше посчитав себя взрослым, что удостоился такого жеста от учителя, мальчик крепко сжал ладонь.

– Спасибо! – звонко выкрикнул ученик и выбежал в коридор.

Поправив галстук и рубашку, которые были неотъемлемым наличием в каждодневном его образе, мужчина остался

доволен. Он носил щетину, которая часто, и причем целенаправленно, превращалась в наличие солидной бороды.

Внутреннее состояние и гармония как фактор преобладания в образе бороды появилась лишь после 30. Подобная данность была достаточно спорной и порой проблематичной в повседневной жизни, ибо приносила достаточно много критики общественных убеждений, считающих непозволительным и порой уродливым ношение столь массивно длинной бороды. Тщательно проработанные ответы на уже надоедливые упреки в сторону ношения бороды были примерно следующего содержания: «Борода – БОгатство РОДА! Чем гуще и длиннее борода, тем сильнее и крепче род, тем сильнее связи между поколениями». Хотя за всеми доведенными как ему казалось неоспоримыми факторами, которые, если говорить честно, никого не впечатляли и не изменяли их критику. Впоследствии он научился тактично применять способ рассказа, повествующий о бороде и о ее исторических носителях, приводя многоженство интересных фактов, что так или иначе были вплетены и акцентированы в событийную составляющую нашей многовековой истории, через короткие добавления в стилистике пояснения той или иной темы на уроках.

Помимо написаний стихотворений, к которым он сам серьезно не относился, был вполне уважаемым среди коллег, учителем истории, со своим подходом к урокам и взглядами на современную молодёжь. Он являлся учителем в несколь-

ких поколений, с детства воспитывался в интеллигентной семье наперекор истинным нравоучениям отца, закалённого убеждениями советского режима, и всегда молодой современно – прогрессивной мамой. Не представляя другого образа жизни, сразу же ушел в преподавание.

Перебрался от родителей в другой город, основательно укоренился в профессии, но на свою семью времени не выделил, оправдываясь, что к браку относится серьезно. А на вопрос касательно женитьбы, отшучиваясь, говорит: «Бог уберег!». И всегда при этом непременно улыбается. Улыбка и взгляд были его неподкупным козырем, знаком открытости души и способом расположения к себе людей.

Так вот, оправив одежду, мужчина направился к выходу. Легкое волнение всегда сопровождало походу к директору. Но сегодня оно было еще подкреплено непонятым волнением, появившимся с самого утра. Поднявшись по лестнице, он одернул пиджак, притянул галстук, пригладил мягкую бороду и сделал шаг в приемную.

Дверь была приоткрыта. Вежливо спросив разрешение, он зашел в кабинет. По телу прошло ощущение некой особой силы, особого нрава сидящих за столом незнакомых людей.

– Проходите, Егор Александрович, – прозвучал женский голос директора.

– Присаживайтесь, вас ожидают сотрудники газеты и телевидения, хотят взять у вас интервью, это касается вчерашнего вашего благородного поступка.

– Почему вы ничего мне не сказали? Как вы себя чувствуете? – с легким возмущением произнесла директор. Понятно стало, что не рада непрошеным гостям, да еще с таким деликатным подтекстом.

– Все хорошо со мной, я в полном порядке, – бодро, но с большим нежеланием продолжать разговор, ответил педагог и немедленно показал на выход. – Можно пройти в мой кабинет и там все обсудить.

– Егор Александрович, – громко окрикнул меня директор. – В связи с предшествующими событиями и вашим состоянием здоровья даю недельный отгул на восстановление.

Молча проглотив сказанное, обменявшись взглядами с гостями, они вышли в коридор.

– Аркаим, передача информации прошла успешно? Ты все видел и слышал? – Прозвучала в докладывающей форме мужская речь.

– Хорошая работа, продолжайте наблюдение и подготовьте объект. Он тот, кто нам сейчас сможет помочь, продолжайте усиленно культивировать, обрабатывая до полной готовности персонажа. Инструкции у вас есть, не переусердствуй, не дави как ты любишь Ильдар – в ответ стальной голос прервал связь.

Страх охватил меня до мурашек по коже, тот же волнение и озноб, я как будто снова оказался на этом злополучном мосту.

Этот резкий рывок, потеря устойчивости, теперь уже оглушающее, режущее трение замка пуховика по поручню, и я лечу вниз. Сейчас мне кажется это все более растянутым и размеренным. Я вижу отдаляющиеся линии моста, невесомая девушка вдруг оказывается надо мной, и тут же сокрушительный, моментальный стук о тонкий лед на чуть обледеневшей полынье. Распахивая ледяные объятия, вода приняла нас. Не размозжила от волн натяжения, не раздавила своей глубиной, она смягчила всю физику падения. Разум подключился к телу, и я осознал, что иду ко дну. Начал усиленно бороться за жизнь, ради себя и хрупкой, почти мне незнакомой, девушки. Вдохнув воздух, я осознал, что меня снова потянуло вниз. Хватаясь руками за воду и пытаюсь всплыть, я коснулся края льда, он ломался под моими пальцами, но это лишь придало надежды. Со всей присущей силой, что еще оставалась во мне, я вынырнул, глотая жадно воздух. Девушки не было рядом, я не слышал и не чувствовал ее. Оборачиваясь вокруг, я искал взглядом, и увидел, как точно так же как и я, она хваталась из последних сил, резала руки об тонкий лед, но главное, она боролась, яростно сражалась

за возможность на спасение.

Нас разделяло приличное расстояние, видимо удар пришелся на меня, и ее просто отбросило на более твердый ледяной покров. Она была на поверхности трескающегося и ломающегося под ней льда, осторожно ползла вперед, то и дело проваливаясь и всплывая. Барахтаясь и взмахивая руками, она побеждала в схватке за стремление жить. Ее усилия оправдались, девушка замерла на льду, боясь шевельнуться и совершенно не задумываясь о холоде.

Я не знаю, думала ли она обо мне или обо всем произошедшем, но четко понимал, я рад, что мы оба живы. Обреченный исход в моей голове снова приобрёл осознание будущего.

В этих судорожных воспоминаниях я подошел к кабинету и провернул ключ в старом дверном замке.

– Входите, располагайтесь. Удобно ли нам будет здесь поговорить?

– Вполне, – сухо ответил мужчина.

С ним была обаятельная девушка. Она с неподдельным интересом смотрела на меня, ее взгляд я заметил еще в кабинете директора. В тот момент я даже смутился от такого внимания. Хотя, не скрою, приятного. Чем-то мне ее образ был близок и знаком.

– Итак, что вы хотите узнать? – опять, не размениваясь,

спросил я.

– Меня зовут Ильдар, – ответил мужчина. – И вопросы хотелось бы задавать мне. В достаточном объеме полезной информации мне известно о тебе, мы пришли не узнать, а наоборот, поведать, так сказать, открыть глаза, пояснить некоторые детали.

Понимая, что они совершенно не те, кем представлялись, я осознанно кивнул.

– Рассказывать про удивительное спасение девушки, про ее склонности к суициду и о том, как вас спасли оказавшиеся рядом спасатели не надо. Мы были там, мы контролировали, корректировали и помогали. Случай на дороге до этого и другие не замеченные тобой опасные случайности тоже были под нашей защитой. Можешь не благодарить, все это мы делали не только ради тебя. Далеко не ради тебя! – грозно сказал Ильдар. – Не считай себя героем, ты лишь один из сюжетных персонажей в большом и хитром плане. Игра, в которую ты ввязался, тебе не по силам. Ты не представляешь всего масштаба происходящего и не осознаешь последствий. Ты нарушил правила! Ты взял на себя ношу ответственности за спасенную девушку, ты ...

Энергичный голос девушки неожиданно прервал его.

– Ильдар Ибрагимович, вы слишком не сдержанны, не давите на него. Я прошу, смягчите напористость. Егор, он неглупый парень, давайте вместе все разясним.

– Ааа... – замялся я. А из всего сказанного не понял, я

нарушил правила? Когда? Какие?

Мои новые знакомые переглянулись.

Ильдар лишь хмыкнул

– Сболтнул лишнего, завелся, ситуация сложная, устрашающая и очень тонкая вокруг тебя, Егор. То и гляди лопнет, точнее сказать, взорвется. И тогда даже мы не помощники тебе.

– Да успокойтесь вы наконец, – настойчиво выкрикнула девушка. – Выйдите, покурите, с вас сойдет.

– Да, мы же в школе, – растерявшись, проговорил Ильдар.

– Все нормально, – сказал я. – Не считайте меня наивным и невежей, – с долей уважения обратился к Ильдару. – В том, что смерти от суицида не являются решением, это понятно. Их наставляют извне и сводят разум на нет, превращая в подчиненных дурной власти. Их готовят и подталкивают, ограничивая волю, пресекая все попытки бороться.

– Все правильно, – любезно ответила девушка. – Простите, я не представилась, меня зовут Мария. Вы видите и глубоко чувствуете людей, их слабости и пороки, их сильные стороны и искушения. Но вы ограничены этим миром и иллюзиями, что он создает. Человечество утратило возможности превзойти тайны вселенной и границы обычного вашего бытия. Вы летите в космос, думая, что там найдете новые миры, увидите себе подобных или наоборот уродливых пришельцев, но нет, Егор, все это лишь дело рук выдумщиков – фантастов. Куда более устрашающие и значимые миры на-

ходятся ближе, чем миллионы световых лет.

Я обомлел, потеряв возможность говорить, и при этом абсолютно поверив во все сказанное. Тысячи ранее прочитанных предположений от простых романтиков и писателей до научных умов и конечно людей, просто умеющих на этом заработать деньги, слились в одну спорную гипотезу.

– Вернись из иллюзий, – опять грубо ворвался в наш милый разговор Ильдар. – Ты начал двигаться в правильном направлении и помог не одной потенциальной жертве. Ты боролся против самой смерти.

– Нет, я боролся за жизни, – уверенный в себе сказал я.

– В этом и есть твой минус, Егор, – подхватила разговор Мария. – Ты считаешь, что жизнь важнее смерти, и что смерть – это конец всего. Но это совершенно не так. Мы тебе хотим предложить расширить твои познания и возможности.

– Ты готов, парень? – с издевкой спросил уже раздражающий меня Ильдар. – Хотя нет, не отвечай, я и так все знаю.

Этот грубиян настойчиво гнул свою линию.

– Естественно, ты согласен! Так вот, – начал он, – За всеми нелепыми смертями, и особенно за случаями добровольного ухода из жизни, стоят люди из другой, альтернативной вашей реальности, системы. Каждого, кого они завербуют, становится их подчиненным, мы называем их Фантошью. Они часто становятся вовлеченными в совершенно непредсказуемые ситуации. Их могут использовать по свое-

му назначению как в вашем мире, так и в других реально-
стях. По – современному выражаясь, перепрошивают созна-
ние, и они могут стать кем угодно, начиная существовать по
новому, совершенно не вспоминая о прошлой жизни собы-
тия. От обычного рабочего, в нужных кругах став предате-
лем, раскрывая тайны своим хозяевам, может сесть и на ме-
сто президента к примеру, совершив переворот в небольшом
государстве.

– А теперь к самому главному, – уже размеренно продол-
жал Ильдар. – Та девушка... Полина ее зовут, верно? Так
вот, ей была отведена особая роль, и это не место в парламен-
те или крупной инвестиционной компании, даже не кресло
президента.

Ильдар понизил голос.

– Она ... – он неуверенно смотрел на Машу и на меня. –
Мы не знаем, кто она – вдруг неожиданно для меня заявил
Ильдар.

– Да, Егор, – подхватила Маша, – Мы, как и ты, долго ее
искали, пытались разобраться и помочь. Просчитывали все
линии ее судьбы. Все, как оказалось, тщетно, кто-то очень
могущественный закрыл ее даже от других пространствен-
ных слоев. Но вчера мы весомо нарушили их план. Полина
осталась жива, ее разум полностью им пока не подвластен.
Но она не в безопасности, ты должен нам помочь, стань од-
ним из нас. Стань выше понимания твоей реальности и своей
плотской сути. Мы хранители равновесия среди душ, ушед-

ших в прочие миры. Мы находимся за гранью тех воплощений, что ждет каждого после омертвления тела.

Они пришли ко мне, зная, что я не раздумывая соглашусь. Мне дали всего ночь, одну только ночь для моей жизни в этом мире. Лишь ночь, которую я так не любил, стала для меня покрывалом перед пробуждением осознания жизни и грядущих перемен.

Я грустью пойман, мыслей спрут
Завороженный вдохновеньем.
Я тот, кого потом сочтут
Планеты нашей обновленьем!
Меланхоличным одеялом
Укрою каждого сердца,
Чтоб исцеляющим порталом
Впредь не являлись небеса.
Распотрошённую тоскую
В тиши раскинутой ночи,
Повелеваю пустотою
Луны, рождающей парчи.

Глава II

Всегда необъясним тот момент, когда ты открываешь глаза и ощущаешь действительность. Я проснулся не от резкого изменения сознания или фактора воздействия, а наоборот, проснулся мягко, даже непривычно сладко и размеренно. Ранее пробуждение меня всегда приводило в общий тонус работы, а сейчас я был расслаблен и приятно спокоен.

— Что — то не так, — мысленно отметил я и попытался взглянуть в окружающую обстановку. Ничего не изменилось в моей квартире, она пребывала еще в утреннем сумеречном виде.

— Чараша! Чаруш, девочка моя, иди ко мне, — единственное, что пришло в голову, позвать кошку, которая послушно отозвалась, и в полной тишине были слышны неестественно громкие передвижения к хозяину.

Сейчас я специально позвал ее, чтобы осознать, в привычной ли я квартире и, самое главное, реальности. Как известно, кошки могут видеть потусторонний мир, и именно она как раз была моим родным помощником — «инструментом», моим успокоительным.

Зачастую по утрам, слыша звуки будильника или мое шевеление, она тут же прибегала, залазила на кровать и, утыкаясь мокрым носом, целовала, ложилась рядом на одну со мной подушку. Либо укладывалась на грудь, повернувшись обязательно хвостом, продлевая мое пребывание в кровати.

Вот и сейчас она оказалась у моего лица и прижалась своей головой в мой подбородок. К этому ритуалу бы-

ли ею допущены лишь самые близкие. Я с улыбкой поцеловал любимицу в мокрый нос, от нахлынувших вдруг эмоций, от осознания рядом близкого и родного захотелось ее раздушить.

– Не уходи в паранойю, – заставив меня вздрогнуть, прозвучал голос Ильдара. – Шизофреник мне не нужен.

Кошка прыжком устремилась в другую комнату, а я подскочил на кровати.

– А ты кого хотел увидеть? – смеялся Ильдар. – Ты думал, мы тебя оставим одного в просторах ночи и твоих снах? Нет, друг, ты теперь важный элемент в цепи всей взаимосвязи. Мог и сам догадаться, что одна из фаз влияния на сознание человека – это сон!

– Поясни, – тихо и в меру требовательно сонным голосом спросил я.

Он провел манипуляцию рукой передо мной и закрыл глаза. Я в тот же миг перенесся в совершенно другую комнату.

Осознание сна и нереальности не наступило. Я лежал на узком диване в полной темноте, повсюду витал запах нежилого здания, надо признаться, очень удушающая атмосфера.

Приподняв голову, я увидел отвалившуюся штукатурку и плесень, она выедала изнутри старое строение, наполняла запахом прелости и гниения всю комнату.

Рассудок, как ни странно, был более мне подвластен, нежели тело, которое стало тяжелым, а каждое движение более медленным. Определенно это было пребывание во сне.

Я со своей способностью к возвращениям легко переместился в сознание привычного мира

– Ты что так быстро, Егорушка? – продолжал ехидствовать Ильдар.

– Насмотрелся на стены, – буркнул недовольно я.

– Перемещайся обратно и продолжи сон, – настойчиво велел Ильдар. – Сейчас я поддерживаю твою жизненную энергию, но вскоре ты сам научишься ее контролировать и не впадать в кому. Астральная проекция может быть очень сильной и реальной не только в воспоминаниях и снах, но и в других реальностях, в том числе и в нашей. Многие неумело, но смело этим пользуются, отсюда у них и появляются провалы в памяти, забывчивость, неадекватное поведение, дурные сны и лунатизм. Сомнамбулизм – очень сильная штука, Егорка.

– Что за пренебрежительная форма обращения ко мне? – по-учительски возмутился я.

– Был у меня товарищ, Егоркой я привык его звать, а с тобой, я так понимаю, долго еще предстоит работать, вот по-свойски и решил обратиться.

То, что форма «был» меня смутила, я из-за деликатности не стал озвучивать, да и вообще спрашивать о тезке. Но видимо его самого это как-то задело, и он резко поменялся в лице, пристально, гипнотически будто закачал в меня, скопировав со своей карты памяти файлы с переживаниями, воспоминаниями его напарника Егора.

Я не стал им, я не перенес через себя жизнь, Егора – напарника, я будто бы оказался в очках виртуальной реальности и мне проецировали все важнейшие событийные истории, приключившиеся с Егоркой.

Чередой губительных событий настигла его как ни странно по возвращении в родное село Шалаши Хлебновской волости Николаевского уезда после несения службы в тяжелейший период в стране после окончания гражданской войны.

Однопрестольная православная церковь, при которой была открыта церковно – приходская школа была единственной на всю округу, в нее и устроился Егор в помощники подработать да знания получать. Работы в то время не было, в регионе началась страшная засуха, дефицит продуктов питания, а в менее крупных районах наблюдался повальный голод.

Прошли месяцы, и беда настигла и жителей села, продовольствие кончалось, личные запасы дворового хозяйства опустели. Среди причин голода было отсутствие каких-либо значимых резервов провианта у правительства советских республик, что привело к тому, что в регионе появлялись тысячи умирающих от голода, распространение каннибализма, детоубийство и бесчеловечная борьба за жизни.

Несмотря на это церковь и дети, содержащиеся при ней, были сыты. Запасы нет-нет да пополнялись.

«Словно из ниоткуда...» – такая мысль пришла Егорке в голову, видя, как в очередной раз отец Пахом вынимает из мешка булки хлеба, раздавая не только детям, но и прихожа-

нам в полуобморочном состоянии от недоедания.

Улучать в предательстве он не посмел, но любопытство взяло верх. Где, у кого, да и каким образом можно достать самый, пожалуй, жизненно необходимый, но при этом страшный дефицит?

Сколько бы раз он ни пытался подкараулить, подглядеть, подслушать или выудить у настоятеля, откуда он берет свежий хлеб, тот в свою очередь смиренно складывал руки и возносил к небу. Становилось понятно: «Бог подал!»

В целом выносить подозрения мог каждый житель, но кто будет осуждать батюшку да кормильца – спасителя. Но вдруг количество подношений стала все меньше раз за разом. Отец Пахом стал все реже появляться в церкви, потом совсем исчез, а в вместе с ним и последняя надежда не умереть от голода, сохранив человеческие принципы в ситуации выжить любой ценой.

Спустя неделю свершилось самое страшное, людей валило насмерть один за одним. Предел бесчеловечности случился с жительницей села Акулиной Чугуновой, которая зарезала свою шести летнюю дочь и половину ее съела. А Андрей Семькин разрубил на части умершую от тифа квартирантку и не испытывая раскаяния и стыда съел ее.

Беззаконие творилось адское, как прознают, кто и как «получше» умер, обрезали, делили и съедали останки.

На девятый день, всегда до рассвета, вынося очередной труп из алтаря, Егорка почуял очень сильный запах церков-

ного воска и особо явный запах ладана. Но литургии не проводились уже несколько недель, никого не отпевали, да и вообще упразднили обряды наряду с событиями.

Егор держал иссохший труп ему мало знакомого или просто уже неузнаваемого человека, превознёс к молитве крестьясь, придерживая труп, прижав к себе. «Чур меня, чур, нечистая», – думал он о том, что предназначение ладана не только как подношение Богу, но и для того, чтобы прогонять нечистую силу. Не зря же существуют в народе поговорки: «Бойтся, как чёрт ладана». Температура воздуха начала подниматься вместе с температурой тела, взгляд померк, все вокруг будто бы поплыло, видимо, от долгого недоедания. Он понял, что теряет сознание и начинаются жуткие видения.

В этот момент от иконостаса стали отделяться образы архангелов и святых. Преобразившись в балахонно – монашескую мантию, сходили они один за одним с пьедестала, с северных райских ворот, прямым из жертвенника, другие с дьяконника мимо аспид церкви, прямым на выход, устремляясь к берегу реки.

Красный диск небесного светила показал свою головку из утробы раскинувшей ноги женщины в виде лесной полосы вдоль узкой речушки.

Собрав все силы, Егор проследовал за привидевшимися монахами и, затаившись в кустарнике, наблюдал следующую картину.

Было ощущение, что вороны вокруг хохотали, каркали в

издевательском кличе, собирая все больше и больше черных собратьев пернатых. Но вместо них над Егором зависли, словно дюжина апостолов, черные монахи, что парили в отчасти глумящемся языческо – обрядовом хороводе, изгоняющей силой наполняя «хождением за солнцем» утреннюю зорьку. Как вдруг, словно по сигналу, они выстроились над поверхностью воды по ближайшему берегу, уходящая луна успела откинуть от них длинные тени, хоть и было ощущение, что эти силуэты подчинялась их же велению. Тени приосанились, увеличились, осмысленно преодолели неширокую реку и встали с противоположной стороны ровным отражением. Не успев выпрямиться, как вдруг взмыли в небо, принимая бой над гладью руки.

Егор, будучи участником лишь одного крупного боевого сражения, знал не понаслышке, какого убивать. Он остался жив лишь благодаря своему нраву, стойкости восприятия происходящего, когда на твоих глазах разворачивается рубка себе подобных, малоэффективные редкие выстрелы раздаются тут и там, и растворяются в людской боли. На деле же, в бою, лишь звон шашки об сабли, а сабли о шашки. Изнуряющим полуденным днем этот звон отрубал по локоть руки, добивая в грудь штыком, другой звук сносил голову упавшему с коня, а прочие отзвуки, наделённые отчаянием, в рукопашном бою вырывали кадыки с завершающим звуком, бульканьем вытекающей крови.

Открыв глаза, Егорка увидел местных жителей. Без како-

го-либо преувеличения, на реку вышла вся деревня. Измождённый от прожитой ночи, Егор смог приподняться и опешил от увиденного. Река была вся кроваво – красной, ей было не по силам процедить через себя пролитую в бою кровь, а берег, красный от только созревающей на нем земляники был истоптан местными жителями, которые крестясь, шептали: «Красная речка, красная».

С тех пор это поселение стали называть Красная Речка, навсегда утаив истинное происхождение названия от потомков.

К закату, пожалуй, самого длинного дня Егора в церковь пришел незнакомец, своим видом обеспокоив местных прихожан, которых в этот день было как никогда много. И все как по некому велению стали покидать стены монастыря.

– Здравствуй, Егорка ...

От этих слов меня снова выкинуло в реальность.

Я чувствовал недосказанность, какой-то особой, приобретённой интуицией я понимал, история не закончена.

– Я хочу знать до конца судьбу Егора.

Ильдар одобряюще кивнул, запустив короткое содержание, всплывающие факты, рассказывающие о том, как взял его в свои ученики и рассказал о последователях, посвящая в те тайны, что Егорка, будучи человеком, мог в себе таить и изредка пользоваться.

Преуспев в мирских делах, образуя взаимодействие и помощь между двумя мирами, сам Егор в последствии попро-

сился на подмогу в Украинское поселение, где сравнительно позже начался голод, с осознанием дела Ильдар дал добро. И все бы ничего, но наряду с нехваткой пищи, которую Егор быстро наладил для местного поселения, вдруг произошло истинно зверское убийство местных священников – братьев. Их не просто убили, ими осквернили крест, наглядно расчленив. Одному из них вспороли живот, намотав кишки на столб креста, другому отрезали голову и скормили псам...

На всей территории СССР продолжалось истребление священнослужителей, что привело к тотальному разрушению церквей и храмов. Правительству ничего не оставалось, как личным приказом упразднить церкви, а всех последователей объединить в тайное общество, на долгое время оставив страну без вмешательства извне, пока не произойдет первое объединение хранителей в общину не под эгидой управляемой церковью.

Следом за событиями и первый год Великой Отечественной войны, где также Егорка не посмел остаться безучастным. Одна винтовка на десятерых, потери личного состава, плен, пытки. Он прошел лагерь смерти и, спустя много лет оставив за плечами пережитые события, вернулся в родные края к местным жителям, так не узнавшим всю судьбу Егорки. Позже он пропал, не оставив о себе весточки ни среди живых, ни среди мертвых. Ильдар искал и до сих пор продолжает поиски хотя бы упоминаний о нем, но все тщетно.

Оказавшись теперь в сознании реальности, я смотрел на

Ильдара и понимающе смягчил свое отношение к его нахальству и беспардонности, оставшись под впечатлением и решив развить в себе любопытные возможности.

– Я готов! Подскажи, направь, – принимая образ ученика, сказал я.

– Все дело в том, что ты осознанно, привычкой держишь себя в этой реальности и считаешь ее единственной, но когда ты во сне, то легко проникаешь сквозь пространственные изменения. Так представь, что сейчас ты не наяву, а во сне, и тебе нужно попасть в твой привычный мир.

Это оказалось настолько просто, что подчинив себе эту мысль, я снова оказался сидящим на диване в той самой затхлой комнате, в которой увидел вокруг лишь старые столы со стопками бумаг и пару забитых хламом шкафов. Комната была лишена человеческого пребывания уже много лет.

– Матерь Божья! Это же мой рабочий кабинет! Что с ним? Я что, в будущем? – от разом нахлынувших мыслей меня выкинуло обратно в квартиру.

Ильдар все так же пребывал на стуле, улыбаясь, будто слышал мои выкрикивания.

– Где я? Мой кабинет стал похож на последствия опустения и полной безжизненности.

– Да, это одна из версий твоей же реальности и твоих ценностей. Ты живешь в ярких красках и видишь лишь свет, а прямой фактор воздействия, полная противоположность. Тебя искусственно склоняют к тьме, ставя в противовес соб-

ственное отражение. Но такое, что выгодно им. Во сне ты становишься другим, сначала даже не замечаешь, как краски тускнеют, с каждым сном ты отдаляешься от тех привычных пейзажей и любимых мест. Так приготовленное для тебя сознание становится явью. Ты меняешь характер, привычки, образ жизни и в итоге становишься другим.

– Вот оно как, – печально вздохнул я. – Неужели все так просто, и никто не защищен?

– Почему же? Защищены нами, для этого и создана наша организация. Мы находим эти изменения, отслеживаем, прерываем. Ангелы – хранители по сути обычные полицейские: ведем дела, раскрываем убийства. Есть и заказные, и глухари, бывает, появляются и нелегалы в различных попытках пребывать в мирах незаконно.

– Ангелы – менты. Вот это я понимаю история. Этот сюжет покруче любой книжки будет, – смеялся я.

– Зря иронизируешь, все максимально серьезно, наши ошибки страшнее ваших происшествий, – сурово свел брови Ильдар.

– Слушай, запоминай и вникай Егор. Мы именуемся Куммирами. Это слово произошло от понятия Куммирня, что значит полка в красном углу дома для молебна. Издревле туда ставили деревянные статуэтки, идолы, т.е. куммиры. Впоследствии сохраняя традиции, сменились верования, появились иконы, но подсознательно не утратили обрядового значения. Человек обращался к Богу со славлениями, уговора-

ми об исполнении чаяния. Даже договоры с родственниками и соседями обязательно заключали перед куммирей, чтобы Боги были свидетелями между людьми. В красном углу договариваются о свадьбе, отдаются почести за хороший урожай. Отсюда, кстати, и происходит понятие "кум", эквивалент понятий "родственник" и "мир", как обозримая вселенная. Фактически куммир – это образ родственника, ставшего частью Вселенной, и растворенного в ней. Помнишь библейское писание? «Не сотвори себе кумира!» Так вот это и есть истинное значение слова. Мы являемся Куммирами человечества. Да и вообще хватит об этом. Вернись и досмотри, что тебе приготовили. Ухмылка сошла с моего лица, и уже не было такого желания возвращаться в сон.

Закрыв глаза, даже не прилагая никаких особых усилий, я смог оказаться сидящим на уже ставшем привычным диване. Он был потрепанным, грязным, без покрывала, но с кучей разбросанной бумаги. Я взял в руки несколько листов, они все были исписаны текстами, практически без отступов и пробелов, единой линией слов. Я ясно видел буквы, но прочесть их, сложив во фразы и предложения, для меня было невозможно. Обратив внимание через щель в двери мерцал чуть заметный путеводный свет надежды, хоть тьма и всецело наполняла комнату, смыв с нее все краски. Идти было крайне тяжело, между каждой попыткой двинуться проходило возмутительно много времени, и я оставил попытки покинуть комнату. Явно чувствовалось, что здесь я не один.

Это ощущение присутствия и пробежавшая по телу дрожь без сомнений убедили в этом.

Дверь открылась, зависла в положении закреплённой, хоть это и не было возможным, старая пружина должна была, вернуть ее на место. Тусклый свет исходил со стороны, как раз оттуда, где располагался выход из здания. Но его совершенно не хватало для того, чтобы озарить темный длинный коридор. Я замер от услышанного: из темной стороны коридора начали раздаваться приближающиеся громкие хлопки в ладоши. Они становилась все громче, при этом не слышалось ни шагов, ни голосов, лишь полная тишина и возникающие, словно из пустоты, хлопки. Звук прекратился внезапно. В коридоре и у самого порога завис мерцающий шар. Ни человеческого силуэта, ни лица не было, лишь черная энергия. Я смотрел на сферу. Безмолвие. Мы будто играли в гляделки, демонстрируя стойкость духа и уверенность в себе. Кто первый сдастся? Кто выстоит? Кто не дрогнет? Про себя я начал молиться, произнося нелепые выражения, толком не зная, как это делается, повторяя, что я сильнее, я не боюсь, не боюсь...

Эти мысли меня вернули на привычную кровать своей квартиры. Рядом все так же спала кошка, а Ильдар ждал рассказа о моем пребывании в той странной комнате.

– Теперь ты прочувствовал все на себе, Егор. Это твоя нарастающая сила, развивай ее. Присядь поудобнее и молча проанализируй произошедшее.

– Во время сна, – начал Ильдар, специально выводя меня на этот подготовленный разговор, – человек погружается в так называемое иное пространство. Почему многие страдают бессонницей, не желая уходить в сон? Они боятся оказаться за чертой, поддаться искушению другого мира.

– Да, мы не помним сны, ибо не все могут их контролировать.

– Само засыпание – это подготовка к пути. Когда мы долго не можем уснуть, это значит, наше подсознание готовится к более далеким путешествиям, либо долгому пребыванию там. С помощью астрального тела, когда душа становится свободной, мы легко пользуемся возможностью прогуливаться по параллельным мирам. Это свойственно абсолютно всем.

Как и в вашем мире, кто-то сидит дома, а кто-то покоряет горы и глубины, проводит археологические раскопки и становится олимпийским чемпионом, создает спасительную вакцину или пишет компьютерные вирусы. Так и во снах, в этих мирах каждый можете сам выбирать образы и действия.

Твои сны всегда были в дорогах. С детства научился быстро проникать в слои. Вспомни свои страхи, свои самые страшные кошмары, когда ты кричал во сне от все увеличивающегося непонимания происходящего. Ты будто невообразимо крохотный в безгранично-огромном мире, который тебя пытается раздавить. Но даже тогда ты не сдался, хотя и обратились родители за помощью к народным целителям.

Ты продолжил путешествия, твои сны стали насыщенными и цветными, ты уже стал их запоминать, это следствие длительного пребывания в параллельных мирах. Ты даже стал способен менять события, с легкостью перемещаясь между слоями. Пару раз ты возвращался в один и тот же сон, открывая поистине небывалые возможности для подобных перемещений.

– Остаться надолго естественно ты не можешь, ибо твое тело в этом мире, а впадать в кому все-таки лучше не стоит. Твоя душа бессмертна и безгранична. Сколько существует именно твоя, мы не знаем. Судя по возможностям, она очень древняя и многоликая.

Ты силен Егор, и выбран нами неслучайно. Я дам тебе ответы на многие вопросы, если захочешь, конечно, но наша главная задача – спасенная тобой девушка.

Протирая ладонями лоб и глаза, я встал с кровати.

– Ильдар, дай мне пару минут, я схожу в душ и буду готов к более рациональному разговору.

В моей голове на тот момент были тысячи мыслей, но я взял тайм аут, чтобы хоть как-то проанализировать услышанное и выбрать из множества самые важные и правильные для меня вопросы.

Контрастный душ, который я не любил, сегодня как раз был кстати. Он хоть и незначительно, но освежил голову. Количество вопросов не уменьшалось, скорее даже наоборот. С языка готовы были сорваться весьма устрещающие мысли.

– Проходите на кухню, – позвал я Ильдара, завязывая пояс халата.

Я сохранял полное спокойствие, не выставляя напоказ свою неподготовленность в этом вопросе и небывалую растерянность.

– Чай, кофе? – предложил я ему, будто обычному гостю.

– Егор, сядь и соберись, хочешь выпей чая, я не буду, спасибо, – наставнически произнес Ильдар. – Я понимаю все, что происходит у тебя голове и отвечу на твои вопросы, но позже, а сейчас у нас важные дела, не терпящие отлагательств. Отбрось сумбуренность мыслей. Хватит надумывать. Я может, огорчу тебя, но ты человек! Во снах да, ты силен, но не здесь. Перемещаться и перевоплощаться, увы, не можешь. В тебе есть дар, но он земной. Ты способен проникать в сознания людей без воздействия на их разум, ты прикасаешься к их душам. Поверь, это редкость даже среди нас, хранителей.

– Так вот, Егор, не будем терять ни минуты, собирайся, и к ней, – заявил Ильдар.

Еще вчера я думал, что проснусь в новой роли супергероя или постигну мастерство телепортации. А я снова стою у себя на кухне, пью обжигающе – горячий чай, а кошка в ногах привычно требует ее накормить. А мне надо спасти девушку, за которой ведется охота из других миров.

– Класс! – оборачиваясь из кухни в зал, свойственно протягивая «с», проговорил я.

Восходящее солнце наполнило комнату лучами, окрашивая переливами золотого сечения обои.

Я пошел к этому свету, просто не мог без него, не мог без ощущения энергии зарождения, пробуждения и теплоты, всего того, что всегда восполняло меня. Искушавшись в этих лучах, будто под солнечными струйками душа, я, наконец, бодро начал разговор.

– Ильдар, скажи, а почему эти люди, обладая неземной силой, не могут воздействовать на нее без долгой обработки? Можно же схватить и неволей похитить в иной мир, и там уже делать с ней все, что им нужно?

– Егор, ты сам и ответил на свой вопрос. Изменив полностью ее здесь, она теряет свое качество там. Она должна перестроиться сама. Пусть и принудительный, но все же выбор должен оставаться за ней, понимаешь?

– Да, но говоря о безграничных возможностях и тысячах лет подобной практики, неужели нет средств, чтобы насильно склонить ее к выгодной схеме?

– В том то и дело, что есть! – не подходя ко мне, говорил Ильдар.

Я решил говорить с ним, находясь в разных комнатах, из-за личного пространства оставаясь при своем мнении. Воздействие от него было сильнейшим, а сейчас я у себя дома, в лучах солнца, в сосредоточении моей духовной силы и легко мог быть с ним на одном эмоциональном уровне.

– Я ведь с самого начала тебя предупреждал, в том мо-

мент, когда ты ее спас, ты нарушил правила, их правила. С ней они работали, при чем крайне тонко и усердно, а ты, ввя-
завшись в последний момент, сорвал их спланированный акт
передачи ее в руки заказчиков, тем самым разозлив испол-
нителя, да и заказчик видимо не остановится. Я убежден, что
уже выслал на твое уничтожение и ее поимку наиболее силь-
ных наемников. Воители и убийцы – такие особи, которые
живут тысячи лет, не меняя своей сущности, перерождаясь,
они становились войнами снова и снова, оттачивая мастер-
ство в исполнении душегубства.

– Ты хочешь сказать, бесчисленные байки и суеверия про
смерть приходящую в балахоне с капюшоном и с косой – это
как раз наш случай? – насмешливо спросил я.

– Не удивляйся. Многое, что ты считаешь выдумкой в
этом мире, – сущая правда, – четко произнес Ильдар. – Аль-
тернативу нашим куммирам составляют акведуки. Как ты
должен знать, Егор, это строение подающее воду к селениям,
но в нашем вселенском значении это проводящие системы
душ между мирами. Они открывают потоки, создавая осо-
бые русла, по которым и происходит передача душ в назна-
ченные определенные места или конкретно к заказчику – по-
требителю.

– Подведём итог, – продолжал я. – Некто, обладающий
предположительно абсолютной властью, ведет охоту на де-
вушку, которая вызывает интерес у неизвестных вам заказ-
чиков из другой реальности. И во все вовлечён я, обычный

человек. Особо любопытно, что с ваших слов, именно вы все контролируете и прикрываете?!

И тут я остановил сам себя.

— А давайте-ка лучше разберемся, а кто вы? Я даже толком о вас и вашей структуре куммиров ничего не знаю! — оборачиваясь, я смело зашагал на кухню, набирая некую разъяренность в движении от вспыхнувшего внутри гнева.

— Ильдар..., — начал я.

К моему изумлению, он исчез, исчез, прекрасно осознавая, что нарочно играет со мной, говоря лишь то, что меня может живо завести, раскалить неистово любопытство совершенно не давая мне козыри в руки. Я такой же фантош в руках еще менее известных мне лиц, чем тех, от которых мне явно скоро придется скрываться... Вместе с этим, успев непонятно какими способностями найти и спасти Полину, — рассудительно и тревожно заключил я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.